

УДК 008; 81-11

ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ КУЛЬТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Пэн Вэньжао, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка, Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР). E-mail: alexbong@163.com

В последние годы по мере постоянного углубления исследований проблем связей языка и культуры опубликован целый ряд работ, связанных с языковой культурой, что позволило углубить представления о природе языка. Данная статья является попыткой систематизации таких существующих научных дисциплин, как контрастивная культурология, культурная антропология, философия языка, предоставляя новый культурологический подход к значению гносеологии и методологии – теорию культурологической функциональности, на базе которой создаётся новая операционная разъяснительная модель текста – теория функций культуры. Теория функций культуры – это теоретическое объяснение следующей идеи: языковая картина мира является простым семантизированным выражением осознания мира.

Суть данной идеи заключается в том, что символизация возникает после того, как внешний мир проектируется в человеческом сознании языковыми средствами. С точки зрения лингвокультурологии, теория функций культуры является моделированием и формализацией процесса создания и осмысления культуры. Рассмотренная в статье теория предполагает, что процесс формирования и понимания культуры может рассматриваться как оценивающий, операционный и инициализационный процесс функциональной зависимости. Функциональность культуры означает, что процесс создания и осознания культуры может рассматриваться как процесс отбора, включения и инициализации в функциональной системе, представляя собой творческий динамический процесс. Имея гносеологическое и методологическое практическое значение, теория функций культуры предоставляет комплексный инструментарий для операционного анализа понимания и интерпретации текста. Следуя принципам теории антропоцентризма, данная теория объединяет культурную антропологию, философию языка, когнитивную психологию, лингвокультурологию и смежные дисциплины в единую теоретическую модель.

Ключевые слова: культура, теория функций культуры, интерпретация текста, методы анализа.

CULTURAL THEORY OF FUNCTIONS AND TEXT INTERPRETATION METHODOLOGY

Peng Wenzhao, Dr of Philological Sciences, Professor, Dean of the Russian Department, Dalian Foreign Language University (Dalian, China). E-mail: alexbong@163.com

There have recently been a number of studies, following the progress in research of the linguo-cultural interconnection, and those studies have been effective in deepening our understanding of the nature of human language. This study is an attempt to produce a systematized approach to a number of subjects, e.g. contrastive culture studies, cultural anthropology and linguistic philosophy. This approach is essentially a culture-based interpretation of gnoseology and methodology, a theory of culture functioning, a methodological foundation of

a new model of text operation and interpretation – “cultural theory of functions”. This theory is a tool, created specifically to interpret the following idea: the language worldview is but a simple semantical reflection of interpreting the world. Linguistic culture studies see cultural theory of functions as an idea of modeling and formalization of the whole process of culture creation and interpretation, the core functional expression of this idea is $y=F(x)$. This formula includes F, X and Y forming a functional system, in which X is an independent variable, varying in multiple cognitive subjects cognizing objective reality. F is a function, which determines a categorizing algorithm of formal classification of human cognition. F is also a mental roadmap of a cognitive subject and it varies for multiple objects of cognition and targets of cognition by accepting varying rules and strategies to mold a certain cognitive framework. It also implies that the process of culture creation and interpretation can be perceived as evaluating, operational and initializing process of functional determination, and can equally seen as a process of selection, inclusion and initialization inside a system of functions, i.e. an ever-dynamic creative process. Being a complex tool of operational text interpretation, this theory is both productive in practical terms of cognitive philosophy and methodology. Based on the principles of anthropocentrism, cultural theory of functions integrates cultural anthropology, linguistic philosophy, cognitive psychology and linguistic culture studies alongside with a number of related subjects into a unified theoretical framework.

Keywords: culture, cultural theory of functions, text interpretation, methods of analysis.

В последние годы, по мере постоянного углубления исследований в сфере связей языка и культуры, написан целый ряд работ по вопросам языковой культуры, позволивших углубить представления о природе языка. Вместе с тем свойства культуры, попадающие в поле зрения лингвистики (особенно лингвокультурологии), до сих пор не получили достаточного научного обоснования. Данная статья является попыткой систематизации уже существующих теорий, предлагая новый культурологический подход с позиций гносеологии и методологии, – теорию функций культуры, на базе чего создаётся новая операционная разьяснительная модель текста.

1.0. Язык и культура как многомерное поле – зеркальное изображение и проекция. Признанным является тот факт, что «в широком значении понятие культуры включает все, созданное человечеством в результате материальной и нематериальной деятельности и связанное с умениями, материей и духом. В узком значении под культурой понимается умение духовного производства и результаты духовной деятельности, включая формы общественного сознания, а также знания и средства традиционного образования, науки, литературы, гигиены, спорта и других сфер; имеет существенные отличия от мировоззрения, политической идеологии, морали и других моделей сознания» [2]. Однако до настоящего времени нет однозначного ответа на вопрос, что представляет собой понятие «культура».

1.1. Культура как способ выживания человечества. В условиях современного существования более ста научных определений культуры в центре нашего внимания находится не определение, доказательство, описание или полемика по поводу значения данного понятия, а сама многозначность данного понятия. Действительно, любая попытка статического определения культуры не только нереальна, но и не нужна, вызывая связанные с определением понятия дискуссии, лучше рассматривать субъект культуры – человека – первоначально, если анализировать, описывать, интерпретировать ее поступки и результаты, то возможно ясно показать одну из сторон культуры. Эта весьма практическая и последовательная работа позволяет установить иерархическую систему культуры.

Определение культуры в различных научных отраслях опирается на разные особенности культуры. Как показывают исследования, различное содержание культуры можно свести к следующему: 1) акцент на духовности, целостности и единстве культуры; 2) акцент на свойствах объективности, конкретности и историчности культуры, выделение наследования и преемственности культуры; 3) акцент на культурной субъективности; 4) акцент на внутренней структурированности культуры; 5) выделение смыслов и ценностей культуры.

Очевидно, что основная цель заключается в том, чтобы найти для понимания природы

культуры модель культурного бытования человека. Данная модель на различных этапах развития исследования проявляется по-разному. На долгом пути от упорядочения изолированных результатов культурных исследований на начальном этапе до поисков современной философией культуры сущности и смысла существования человечества произошло не только изменение объекта изучения, но и перестройка всей исследовательской парадигмы. Мы считаем, что орбита анализа культурологии подтверждает направление развития ведущей научной парадигмы. Изучение культуры также опирается на результаты исследований. От полевых исследований свидетельств и эмпирических моделей, фактов или элементов культуры (тотемов, табу, колдовства, святынь, обычаев и обрядов) произошёл переход к поиску имманентности, духовности, жизненности, креативности и процессуальности культуры. Как утверждает Э. Кассирер, «мы ищем не единство результатов, а единство деятельности; не единство продукции, а единство процесса созидательности» [8, с. 7]. Можно заметить, что наибольшее распространение получила функциональная, динамичная и экспланаторная исследовательская парадигма, в которой культура рассматривается как жизненный созидательный процесс с постоянно меняющимися уже существующими внешними материальными и духовными результатами (религией, искусством, языком, мифами, историей, моралью и философией).

1.2. Язык как посредник познания. Язык – это не только средство выражения, но и, что наиболее важно, средство познания [21, с. 133]. О когнитивной функции языка известно уже давно. Ещё в XIX веке известный немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт четко разделял выразительную и когнитивную функции языка, считая последнюю основной: «...Языки являются не только средством выражения уже познанной истины, но, более того, средством открытия ранее неизвестной» [5]. Язык не только является основным посредником взаимопонимания между людьми, но и «инструментом для мышления и восприятия народа» [21, с. 135]. Язык является мостом, связывающим человека с внешним миром. С точки зрения Яо Сяопина, «Язык – это уникальный мир, существующий между человеком и природой, человеку в значительной степени необходимо при помощи мира языка познавать окружающий мир;

ввиду языковых различий естественный мир, познаваемый каждым народом, имеет свои отличия» [21, с. 136], поэтому соответственно различается и формируемая культурная традиция.

1.3. Триединство «Человек – язык и культура – мир». Изучение сочетания культуры и деятельности людей является не только компетенцией культурной антропологии и философии культуры, но и широко применяется в сфере лингвистики. Это так называемый антропоцентризм в изучении языка, который предполагает, что суть основного предназначения мира опирается на человека, человек находится в центре познания мира, что часто называют «человек является мерилем всего сущего, всех существующих вещей, при отсутствии вещи также отсутствуют и критерии» [8, с. 146].

Приведенная мысль подчеркивает принцип субъективизма и индивидуальности в исследовании языка и культуры. С одной стороны, язык и культура заключаются в «человеке», с другой – для «человека» язык и культура проходят процесс интерпретации, что позволяет обеспечить жизнеспособность и сохранение идентичности для последующих поколений.

Отправной точкой лингвокультурологии является человек. Лингвокультурология последовательно проводит разъяснение культуры на всех уровнях языковой системы, тем самым подтверждая языковые свойства культуры [6], но и, самое важное, глубинная интерпретация культуры для природы существования языка и структурной системы. В языке триединство человека, культуры и мира претворяются в следующем: язык выступает посредником между функциональной и созидательной деятельностью и когнитивной деятельностью людей. В результате познавательной деятельности людей мир превращается в знаковый микрокосм, культура рассматривается как обусловленная субстанция – модель функционального существования человека, затем через призму языка человек – культура – мир в результате целостного формирования происходит процесс отвлечённой символизации: сначала человек превращается в «символ», мир – в мир культуры, существующий в результате когнитивной деятельности, а язык – в инструмент символизации человека и культуры, сам по себе он также является самой важной системой символов, формирующей мост между человеком и культурой.

Мы считаем, что язык подобен призме, через эту проекцию в человеческом сознании мир формируется в картину мира. Язык является посредником когнитивной функции, отражая мир не объективно, как фотокамера, а через субъективное восприятие. Создавая слово, человек создает новый мир, мир идей и смыслов. Человек живет в мире значений, который и воспринимается человеком как реальный значимый мир. Человек, язык и культура, мир неразрывно связаны между собой, образуя триединство.

Итак, в определённой степени можно утверждать, что все разнообразие отношений человеческой жизни и истории можно свести к отношениям символов и значений.

2.0. Теория функций культуры и модель интерпретации текста.

2.1. Культура – это функция. Теория функций культуры – это теоретическое объяснение данного высказывания, которое показывает, что языковая картина мира является простым семантизированным выражением осознания мира, суть которого заключается в том, что символизация возникает после того, как внешний мир проектируется в человеческом сознании языковыми средствами [15].

Функциональность культуры означает, что процесс создания и осознания культуры может рассматриваться как процесс отбора, включения и инициализации в функциональной системе, представляя собой творческий динамический процесс. Это пропозиция включает три уровня содержания: 1) человек в процессе познания мира обнаруживает функциональные связи; 2) процесс создания и понимания культуры имеет языковую природу; 3) создание и понимание культуры – динамический, циклический и восходящий по спирали процесс.

С точки зрения лингвокультурологии, теория функций культуры является моделированием и формализацией процесса создания и осмысления культуры, центром которой можно представить формальное выражение функции: $y=F(x)$, в которой F является языком, выступающим в качестве посредника человеческого познания, не только системой символов, но инструментом познания, проявляется через определённые правила и их набор, единство лексики и синтаксиса. Это может быть в определенном смысле абстрактный язык, а также конкретный язык. Являясь призмой, язык

отражает субъективные представления человека об окружающем мире. X равен объективному миру, представляя объекты и предметы познания мира человеком. Очевидно, что объективный мир постоянно меняется в зависимости от субъекта познания. В когнитивном процессе адаптации объективный мир разделяется и конкретизируется; в соответствии с гносеологией философского значения X также может абстрагироваться до всего мира. В результате присоединения человеческой объективности объективный мир приобретает жизненность, ценность и значение. Y равен языковой картине мира, познание мира человеком полностью проявляется в языке. Необходимо отметить, что в данном случае языковая картина мира представляет собой единство индивидуальности и целостности: она может быть и личной, и общенародной; каждый конкретный процесс проекции является частью языковой картины мира, результаты всех проекций и отражения создают общую языковую картину мира. В данном случае языковая картина мира представляется как совокупность знаний человеческого познания, являясь выражением оязыковления, символизации и семантизации в языке картины мира. Это совокупность наивных представлений, которые сформировались исторически в процессе познания элементов внешнего мира, пресуппозиция человеческого познания мира. Таким образом, F , X и Y формируют функциональную систему, в которой X – независимая переменная, дифференцирующаяся у различных когнитивных субъектов для объективного мира, в этой связи изменения X проявляются в процессе отбора, который предстает внешним показателем самостоятельного выбора человеком как основного субъекта познания объективного мира. F – функция, которая определяет «алгоритм» в процессе категоризации формальной классификации человеческого познания. На деле он является определением и границами когнитивного механизма познания мира. В сущности, F – волевой образ действий человека как когнитивного субъекта, для различных познавательных объектов и познавательных задач принимающий определённые правила и стратегии в целях формирования определённого когнитивного фрейма. Язык является лишь формой выражения механизмов и правил познания, но человек получает языковые ограничения, связанные с когнитивным поведением.

Теория функций культуры в когнитивном процессе языкового посредничества может использоваться в следующих случаях: когнитивный фрейм «х», входящий в F, в человеческом сознании формирует когнитивные структуры, в процессе формализации «х» под влиянием F является иницилирующим процессом. Исследования когнитивной психологии показывают, что процессе познания мира человек контактирует в первую очередь с предметами, и лишь затем происходит процесс идентификации. Активность когнитивных сетей требует создания связей между неизвестным предметом и известным предметом, разделяясь на динамические и статические отношения. Эти отношения формируют когнитивные сети между предметами и звеньями, каждый предмет в сетях имеет соответствующие связи с другими предметами, определяя собственное место, таким образом, происходит окончательная категоризация на уровне «морфологии», классификация самого предмета. Одновременно когнитивные сети получают стимулирующую активность концепта со стороны «х» внешнего мира, создавая концептуальные рамки для различных F. После кодирования информации в мозге формируются различные пропозиции. Такая пропозиция не обладает модусом, пока концепт в когнитивном фрейме не формирует лексикон. Только после выбора и формирования грамматических структур лексикона можно говорить о вхождении лексической единицы и генерации модалного предложения, стать описанием и интерпретацией внешнего события, потому что «мир – это совокупность фактов, а не сумма предметов» [3]. На этом этапе ключевую роль играют динамические генеративные правила, наследованные человеком, так называемая «языковая компетенция» Н. Хомского. В конечном счёте, контекст, ситуация и интенции (намерения) получают возможность выхода только при преломлении через предложение, таким образом, заканчивается субъективное восприятие данного предмета, которое содержит базовые ценностные суждения. Окончательный результат когнитивного процесса формирует результаты познания объективного мира, являясь языковой картиной мира когнитивной системы восприятия мира, а также становится последним этапом функциональной модели – зависимой переменной «у». По мере изменения «х» и «F», функция «у» постоянно повторяется, двигаясь циклично, и является бес-

конечной. Она означает сумму всех когнитивных процессов и результатов познания.

Необходимо отметить, что теория функций культуры не только является формой проявления, но и отражает, на основе вышеуказанных теорий, начальный этап и основные формы познания мира. Данная теория представляет собой иерархичную структуру, в методах познания и иерархичности символов имеется общее основание. На самом абстрактном уровне F может абстрагироваться до существования человека (подразумевает всё когнитивное поведение человека, конечно, не следует забывать при этом о роли языка); X может абстрагироваться до всех когнитивных объектов; Y абстрагируется до суммы человеческой культуры, с традиционной точки зрения, и включает материальную культуру, форму организации культуры и духовную культуру. С другой стороны, функция $y=F(x)$ может конкретизироваться до отдельной познавательной операции, объект исследования может состоять из одного события и одного предмета. Например, рассмотрим выражение «кошка ловит мышь» (x), при помощи операционной функции F по распознаванию и идентификации (активизация понятия, формирование пропозиции и выведение высказывания) формируется когниция: всякое животное имеет естественного врага (y1). При повторном осуществлении данного процесса можно получить y2: «богомол хватает цикаду, не замечая позади себя воробья». При последующем проведении данной операции можно получить y3: «рассол капает на бобовый сыр – одна вещь побеждает другую»; y4: «естественный отбор при сосуществовании – в борьбе выживает сильнейший». Различные системы функции $y=F(x)$ отражают внутреннюю логическую последовательность и траекторию развития процесса познания мира. Таким образом, результаты человеческого познания становятся когнитивными объектами, образуя циклическое повторение, повторяя бесконечное движение колеса.

Таким образом, нам представляется, что теория функций культуры не только является теорией познания, но и теорией методов. В центре нашего внимания находится её практическая ценность. Во-первых, она предоставляет базовые фреймы когнитивной деятельности человека и общий когнитивный процесс, помогает исследователям чётко определить звенья данного процесса, для объекта исследования это является первоочеред-

ной необходимостью. Во-вторых, теория функций культуры строится на общих процедурах познания и понимания, предоставляя исследователям операционные приёмы поисковых действий для «х у» или «у х». Только наличие возможности исследования внутри некоего проблемного поля позволяет начинать исследования вне этого поля, показывая два направления познания и интерпретации. С нашей точки зрения, языковая картина «у» представляет собой сосуществование в мире известного и неизвестного, указывая, каким образом проводить интерпретационные исследования культуры, изучение внешнего мира «х» определяется когнитивными механизмами F, при изучении состава личностной системы национальной культуры выявляется общая ориентация национального мировоззрения, эстетического восприятия и ценностная система, для которых функциональная система $y = F(x)$ обеспечивает методологическую основу и эмпирические ресурсы. В-третьих, теория функций культуры также включает богатейшие источники практических методов, подобно идее поля, понятию когнитивных сетей и концепции иерархии символов, которые позволяют проводить анализ текста.

Можно сказать, что теория функций культуры является комплексной, всесторонней, совместимой, практической и динамичной. Формы выражения данной теории отличаются ясностью, символичностью и функциональностью. Теория функций культуры ярко проявляет единство абстрактности и конкретности, единство теории и практики, единство универсальности и индивидуальности, единство процесса и результата, единство познания и понимания, единство существования и познания. В ней также отчётливо проявляются взаимосвязанные отношения, отражения, дополнения и мотивации знакового, когнитивного поведения и действий по пониманию и осознанию.

2.2. Теория функций культуры и практический анализ текста. Если говорить, что теория единства человека, языка и культуры и мира на уровне онтологии является центральной для исследования интерпретации культуры, ориентированной на человека, то текст в качестве отправной точки, языковая картина мира в качестве средства и значение в качестве направления являются ключом к пониманию теории. Тео-

рия функций культуры становится реальностью в языковой интерпретации культуры на уровне гносеологии и методологии.

Во-первых, для исследования функций культуры необходимо определить объект исследования. Полагаем, что основная единица локализации – «текст», как наиболее подходящий в качестве такого объекта. В данном случае, текст не только является указанием на «ряд последовательных предложений или языковое целое конструкций предложений» [16], но и сам «ощущается в процессе работы, производства» (цит. по [1, с. 414])¹.

Смысл наших исследований интерпретации культуры, включающей язык, именуемый текстом, делает анализ текста необходимым методом для понимания и интерпретации взаимосвязанных отношений языка и культуры. Если текст или отрывок рассматривать как «х», то значение глубинных пластов культуры, ссылающихся на текст, может в описании и интерпретации фрейма F получить возможность для проявления. Таким образом, процесс понимания и интерпретации моделируется и формируется, выражаясь в единых правилах и фреймах. Познание и значение текста бесконечно проявляется, создаётся и продолжается в результате динамического толкования, формируя звенья непрерывного цикла интерпретации. Считается, что текст является функциональным сам по себе, как и определённый отрывок текста, некоторый образ, символ, изображение или метафора; их функциональный анализ, в конечном итоге, формирует открытые семантические сети, значение текста именно благодаря этому становится реальностью. Отсюда следует, что анализ текста имеет функциональную природу. Функция в данном случае понимается как операционная процедура, направленная на некий предмет (текст), в то время как для независимых переменных она становится зависимой переменной, получая переменное значение некоего предмета; в этом случае F выступает в качестве необходимого циклического алгоритма и правила.

¹ Современные гуманитарные и социальные науки привлекают текст в качестве объекта и инструмента анализа, объём понятия текста расширяется до всего текста или рассмотрения основной темы изучаемого текста, включая поведение человека, произведения искусства, события, а также самого человека, текст, которые получают субъективность, индивидуальность.

Возьмём для примера известный рассказ Лу Синя «Подлинная история А-Кью». Как проанализировать данный символизированный текст с точки зрения теории функций $y=F(x)$? Если F представить как «китайский национальный характер», « x » – А-Кью, а « y » станет многозначной интерпретацией « x ». В статье «Учебные записки “Подлинной истории А-Кью”» Е Цю мы можем почувствовать богатство и творчество в интерпретации и понимании текста:

Первое прочтение: Мы можем смеяться до боли в животе.

Второе прочтение: Появляется часть того, над чем не стоит смеяться.

Третье прочтение: Отвращаемся с презрением от такого человека, как А-Кью.

Четвёртое прочтение. Презираем такой характер.

Пятое прочтение: Сердце наполняется кровью от сострадания.

Шестое прочтение: А-Кью всё же А-Кью.

Седьмое прочтение: Примеряем А-Кью на себя.

Восьмое прочтение: Слились воедино.

Девятое прочтение: Снова превращается в твоих родственников и старых друзей.

Десятое прочтение: Переходит на твоих соседей.

Одиннадцатое прочтение: Распространяется на всю страну.

Двенадцатое прочтение: Переходит на жителей других стран.

Тринадцатое прочтение: Ты понимаешь, что он – это зеркало.

Четырнадцатое прочтение: Возможно, это сигнал тревоги [20].

Функциональное выражение принимает форму $F(A\text{-Кью}) = y_{1, 2, \dots, 14}$. Данные 14 уровней глубинной интерпретации А-Кью совсем не изменяют его самого, но в этой скрытой мысли появляются различия, возникают бесконечные интерпретации образа А-Кью.

2.3. Теория функций культуры и текст являются разделительным полем единиц смысла. В то время как для проведения функционального анализа отдельно взятого текста можно обладать данными в недостаточном объеме, для лингвокультурологической интерпретации всякой текстовой единицы необходимо провести её клас-

сификацию, описание и разъяснение. В этом отношении теория функций культуры играет огромную роль. Если в сематическом поле появляется аналогичное именование, то каждая из единиц означает текст, в таком случае теория функций культуры внутри поля текст рассматривает как единицу стратификационной перестановки и делает ее единицей описания и интерпретации. Язык и культура, являясь посредником адаптации человеческого познания, при помощи анализа семантического поля позволяют получить некоторые характеристики когнитивной практики человека. Для этого подходит предложенное В. В. Воробьевым наименование «лингвокультурологическое поле» [4]. Создание лингвокультурологического поля позволяет описывать и интерпретировать когнитивную систему языковой картины мира. Мы полагаем, что по своей структуре лингвокультурологическое поле совпадает с когнитивной системой языковой картины мира, между ними существуют внешние и внутренние зависимости. С точки зрения учения о символах, лингвокультурологическое поле и поля всех его уровней можно рассматривать как символизацию и моделирование языковой картины мира, в этой ситуации теория функций культуры станет конвектором и фильтром осуществления этих трансформаций, а « y » воплотится в реальные ценности культуры, зависящие от правил F .

Например, если F в самом распространенном значении является русским языком, « x » – внешним миром, тогда « y » – русская языковая картина мира. В этих рамках F становится русским национальным характером, « x » означает единицу текста на всех уровнях, « y » – когнитивную систему русской духовной культуры. Продолжая изменение конфигурации F , мы получаем различные « x », создавая разноуровневую систему лингвокультурологического поля русского национального характера. В этом случае каждый текст является смысловой единицей переменной « x ». В рамках идентификации, сопоставления, разделения и синтеза функции F создаётся аналогичный набор. Продолжая анализ « x », можно на основе комбинирования и объединения получить определённые значения « x » для создания ценности « y ». Необходимо добавить, что, во-первых, центральное место в этом процессе занимает интерпретатор, который должен придерживаться

принципов центральной теории; во-вторых, он является частью цикла интерпретации, цикл расширения символа бесконечен, он не имеет конца.

Согласно вышесказанному, для текста $y=F(x)$ является единицей анализа, который может разворачиваться в двух направлениях: комбинирования и объединения, в результате большой напряжённости между ними создается импульс, который никогда не прекращает процесс движения. Мы осуществляем интерпретацию текста в движении таких противоречий, которые В. В. Воробьев называет функциональной зависимостью [4].

1. Единицей комбинированного значения для ориентированной ядерной единицы «русскость» интерпретируются особые черты, выражаемые нами через $A+B$, где «А» является комплексом ядерной структуры имени поля: *русский, русский* (сущ.), *русская* (сущ.), *великорусский, россиянин, российский* и т. д.; а В является объективным предметом русского: *русская баня, русские блины, русская печь, русская женщина, русский характер* и т. д. В. В. Воробьев подробно описал предмет «русские блины» [4, с. 108]. Вл. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет «блин» как «род хлебного из жидко растворенного теста, поджаренного лепешкой на сковороде. Блины, блинки, блинцы́ и блиночки, которыми обычно празднуется наша масляна, пекутся с бесконечным разнообразием: пшеничные, ячменные, овсяные, гречневые, из пресного или кислого теста» [7, с. 97]. Он также предлагает различные комбинации, выражающие богатство повседневного русского народного быта, народных обычаев и общественного сознания. Например: *Без блина не масляна, без пирога не именинник. Первый блин да комом. Не подбивай клин под овсян блин: поджарится, и сам свалится. Как блины со сковороды. Продал душу ни за овсяный блин. Что блин по маслу. Блин добро не один. Отойди, не до тебя. Тут блины подгорают. Любит поп блин – да и ел бы одни* [7, с. 98]. Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправив в рот, а губы и руки вытер салфеткой (Гоголь. Мертвые души). Для культурологической интерпретации синтагматических отношений смежных единиц – определения, разделения, классификации и инициализации – получаемый результат представляет собой комплекс основных единиц, имеющих сходство комбина-

торных отношений (последовательно контролируемым скрытым смыслом), что означает трансформацию от синтагмы к комплексу.

2. Информационные единицы языка и культуры в объединении становятся независимой переменной, ценность которых определяют правила F. Выразим их в формуле $y=Fz(x)$. Мы полагаем, что объединяющее значение в информационных единицах языка и культуры указывает на процесс, который проявляется только в комбинации. Например: *хлеб-соль, хлебосольство, хлебосол, хлебосольный, хлеб да соль, хлебосолец, хлебосолка, хлебосольничать*, в которых полное выражение «русскость» проявляет черты национального характера «щедрость и гостеприимство»: гостеприимство = Fрусс. (хлебосольство). Например: *Без хлеба-соли обедать не садятся. Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай. Без хлеба, без соли плохая беседа. Хлеб да соль! Хлеб-соль не бранится. Соли нету, так и слова нету, а как хлеб дошёл, так переговор пошёл. Без соли, и хлеб не естся. Без хлеба несытно, без соли не сладко. За хлебом-солью всякая шутка хороша. Помяни соль, чтоб дали хлеба. Молода: хлебом-солью отца мать не объела. После хлеба-соли, добрые люди семь часов отдыхают. Хлеб-соль платежом красна. Хлеб-соль ешь, а правду режь. От хлеба-соли не отказываются. Хлеб хлебу брат (о хлебосольстве). Без хлеба, без соли никто не обедает* [7, с. 268, 552–553].

Данные комбинаторные связи отражаются в литературных текстах. Например:

1) *Что-то Москва? Как вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлебосольство?* (Пушкин А. С. Письмо П. В. Нащекину, 22 окт., 1831 года).

2) *Москва – город хлебосольный, рада принимать встречных и поперечных* (Тургенев И. С. Дворянское гнездо).

3) *Без чашки чаю, без рюмки, вина, без закуски от русского купца старого закала никому не уйти. Старинное хлебосольство не чуждо было и Корниле Егорычу* (Меньшиков-Печерский П. И. Красильниковы).

4) *Это ты, добрый человек, от обеда уходишь! – воскликнул Матвей, видя, что незнакомец собирается идти. – Разве мы не русские хлебосольные люди?* (Марков Г. М. Строговы).

Таким образом, разделение лингвокультурологического поля определяется функциональ-

ными отношениями распознавания, позиционирования и инициализации для каждой единицы смысла, выражением символизации, оязыковления и моделирования интерпретационной деятельности человека по отношению к миру (картине мира).

3.0. Таким образом, мы полагаем, что теория функций культуры образуют единое целое с гносеологией и методологией, является выражением моделирования и формализации процесса познания и интерпретации. Она следует принципам теории антропоцентризма, объединяя культурную

антропологию, философию языка, когнитивную психологию, лингвокультурологию и другие связанные с этим научные дисциплины, интегрируя их в одну теоретическую модель, углубляя наши основные знания о связях языка и культуры. Самым важным является то, что теория функций культуры имеет огромное практическое значение, предоставляя для понимания и интерпретации текста инструмент операционного анализа. Мы надеемся, что данная теория будет постоянно совершенствоваться, создавая новый путь к открытию глубинных уровней текста.

Литература

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избр. раб.: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Большая китайская энциклопедия. Философия. – Пекин: Изд-во Большой китай. энцикл., 1987. – Т. 2. – 924 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. на кит. яз. Го Ин. – Пекин: Коммерческая пресса, 1992.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
5. Гумбольдт В. Ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. – Пекин: Коммерческая пресса, 2000.
6. Дай Чжаоин. Введение в лингвокультурологию. – Пекин: Филология. – 1996.
7. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. I–IV.
8. Кассирер Э. Опыт о человеке / пер. на кит. яз. Гань Яна. – Шанхай: Изд-во перевод. лит., 1987.
9. Клакхон К. Понятие культуры / пер. на кит. яз. Нажибилигэ. – Шанхай: Шанхай. народ. изд-во, 1999.
10. Ландманн М. Философская антропология. – Пекин: Рабочий, 1998.
11. Ли Янь. Интерпретация культуры. – Пекин: Народ. изд-во, 1996.
12. Лю Цзинтянь. Введение в философию культуры. – Пекин: Закон, 1999.
13. Маркс К. Полн. собр. соч. – Пекин: Китай. народ. изд-во, 1995. – Т. 1.
14. Новые зарубежные теории культурной антропологии. – Пекин: Изд-во лит. по соц. наукам, 1999.
15. У Гохуа, Пэн Вэньчао. Языковая картина мира как объект лингвистических исследований // Изучение и преподавание иностранных языков. – 2003. – № 2.
16. Хуан Говэнь. Основы анализа дискурса. – Чанша: Хунан. изд-во «Просвещение», 1996.
17. Цзинь Кэму. Последний шанс. – Пекин: Центр. изд-во перевод. лит., 1996. – 258 с.
18. Чжан Жулунь. Исследование значения. Современные западные учения. – Шэньян: Ляонин. народ. изд-во, 1987.
19. Чжуан Сичан. Всесторонний взгляд на культурологию. – Ханчжоу: Чжэцзян. народ. изд-во, 1987.
20. Чжэн Чжэнькуй. Слияние комедии и трагедии // Китайские социальные науки. – 1981. – № 4.
21. Яо Сяопин, Хун Баотэ. Гуманитарные исследования и изучение языка. – Пекин: Изд-во преподавания и изучения иностранных языков, 1995.

References

1. Barthes Roland. Ot proizvedeniya k tekstu [From work to text]. *Izbrannyye raboty: Semiotika, Poetika* [Selected works: semiotics, phonetics]. Russ. ed.: G.K. Kosikova. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 413-423. (In Russ.).
2. Bol'shaya kitayskaya entsyklopediya. Filosofiya [Comprehensive Chinese Encyclopedia. Philosophy]. Pekin, Izdatel'stvo Bolshoy kitayskoy entsyklopedii Publ., 1987, vol. 2. 924 p. (In Chinese).
3. Wittgenstein Ludwig. Logiko-filosofskiy tratat [Tractatus Logico-Philosophicus]. Chinese ed.: Guo Ying (transl.). Pekin, Kommercheskaya pressa Publ., 1992. (In Chinese).
4. Vorob'yev V.V. Lingvokul'turologiya: teoriya i metody [Linguoculturology: theory and methods]. Moscow, RUDN Publ., 1997. 331 p. (In Russ.).
5. Gumbol'dt Wilhelm von. O razlichii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyaniya na dukhovnoye razvitiye chelovechestva [On Language, On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species]. Chinese ed. Pekin: Kommercheskaya pressa Publ., 2000.

6. Dai Zhaoming. Vvedeniye v lingvokul'turologiyu [Elementary linguoculturology]. Pekin, Filologiya Publ., 1996. (In Chinese).
7. Dal V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1955, vol. I-IV. (In Russ.).
8. Cassirer Ernst. Opyt o cheloveke [An Essay on man]. Chinese ed.: Gan Yan (transl.). Shanghai, Izdatel'stvo perevodnoy literatury, 1987. (In Chinese).
9. Kluckhohn Clyde. Ponyatiye kul'tury [Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions]. Chinese ed: Naribilige (transl.). Shanghai, Shankhayskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1999. (In Chinese).
10. Landmann Michael. Filosofskaya antropologiya [Philosophic anthropology]. Pekin, Rabochiy Publ., 1998. (In Chinese).
11. Li Yan. Interpretatsiya kul'tury [Interpretation of culture]. Pekin, Kitayskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1996. (In Chinese).
12. Liu Jingtian. Vvedeniye v filosofiyu kul'tury [Introduction to culture philosophy]. Pekin, Zakon Publ., 1999. (In Chinese).
13. Marx Karl. Polnoye sobraniye sochineniy [Complete works]. Pekin, Kitayskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1995, vol. 1. (In Chinese).
14. Novyye zarubezhnyye teorii kul'turnoy antropologii [New foreign theories of cultural anthropology]. Pekin, Izdatel'stvo literatury po sotsial'nym naukam Publ., 1999. (In Chinese).
15. Wu Guohua, Peng Wenzhao. Yazykovaya kartina mira kak ob'yekt lingvisticheskikh issledovaniy [Language worldview as a subject of linguistic studies]. *Izucheniye i prepodavaniye inostrannykh yazykov [Foreign languages studying and teaching]*, 2003, no. 2. (In Chinese).
16. Huang Guowen. Osnovy analiza diskursa [Elementary discourse analysis]. Changsha, Prosveshcheniye Publ., 1996. (In Chinese).
17. Jin Kemu. Posledniy shans [The Last Chance]. Pekin, Tsentralnoye izdatel'stvo perevodnoy literatury Publ., 1996. 258 p. (In Chinese).
18. Zhang Rulun. Issledovaniye znacheniya. Sovremennyye zapadnyye ucheniya [Study of meaning. Modern Western theories]. Shenyang, Lyaoninskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1987. (In Chinese).
19. Zhuang Xichang. Vsestoronniy vzgl'yad na kul'turologiyu [Comprehensive view on culture studies]. Hangzhou, Zhechzyanskoye narodnoye izdatel'stvo Publ., 1987. (In Chinese).
20. Zheng Zhenkuyi. Sliyanie komedii i tragedii [Blending comedy and tragedy]. *Kitayskiye sotsialnye nauki [Social science of China]*, 1981, no. 4. (In Chinese).
21. Yao Xiaoping, Hong Baote. Gumanitarnyye issledovaniya i izucheniya yazyka [Research in humanities and language studying]. Pekin, Izdatel'stvo prepodavaniya i izucheniya inostrannykh yazykov Publ., 1995. (In Chinese).